

К АНАЛИЗУ ОДНОГО ПУШКИНСКОГО ПРИМЕЧАНИЯ

Илон Фрайман
(Тарту)

В первом томе «Современника» Пушкин печатает рассказ Султана Казы Гирея «Долина Ажитугай»¹. Обстоятельства публикации рассказа коротко изложены в комментариях М. И. Гиллельсона², биографические сведения о Казы Гирее — в обстоятельной статье Г. Ф. Турчанинова³; отдельные замечания о «Долине Ажитугай» в контексте пушкинского журнала содержатся в работе Л. А. Тартаковской⁴.

Публикация рассказа сопровождается примечанием издателя⁵, до сих пор не привлекавшим внимания исследователей. Анализу риторической, художественной и идейной структуры этого примечания посвящена настоящая статья.

В тексте примечания содержится ряд скрытых полемических моментов и высказываний, отражающих особые идейные и художественные установки нового издания. Пушкинское примечание к рассказу соотнесено с другими текстами «Современника» («Путешествием в Арзрум», «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и т.п.), что вполне очевидно в связи с тезисом о продуманной, выверенной структуре и содержании пушкинского журнала⁶.

Примечание начинается номинативным предложением с сильным exclamatio: «*Вот явление, неожиданное в нашей литературе!*»^{*}. Конструкция с указательной частицей *voit* — явный галлицизм; ср.: *c'est ... que* или *c'est ... qui*⁷. Ср. первую фразу рецензии Вяземского на книгу Маршана во втором томе: «Вот еще новое любопытное дополнение к загробной литературе Св. Елены...»⁸. Ср. также иронический зачин Гоголя в рецензии на альманах «Мое Новоселье»: «*Это Альманах!*» (I, 313) и т.п.

Семантическую функцию экспрессивного синтаксиса в критических жанрах (особенно в рецензиях) трудно переоценить. Пуш-

^{*} Здесь и далее цитаты из пушкинского примечания даются курсивом.

кин внимательно относится к *exclamatio* и обыгрывает пристрастие сочинителей и критиков к этому приему. Ср. неоконченную рецензию на «Записки Чухина, Сочинение Фаддея Булгарина»: «Г-н Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого таланта. Это, по-видимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!)»⁹.

За синонимичностью двух частей сложносочиненного бессоюзного предложения «Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» скрываются различные смысловые оттенки. Рассказ публикуется в окружении статьи барона Розена «О рифме» и повести Гоголя «Коляска». Таким образом, *ряды наших писателей* оказываются следующими: остзейский немец, малоросс и русский дворянин африканского происхождения, который является издателем журнала. Теперь к ним прибавился и черкес.

Здесь же содержится завуалированный полемический выпад против *наших писателей*, недостаточно хорошо владеющих русским языком. Отзывы современников о «Долине Ажитугай» несомненно ориентированы на текст пушкинского примечания. Ср. рецензию Белинского «Несколько слов о «Современнике»: «“Долина Ажитугай” примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет языком лучше многих почетных наших литераторов»¹⁰. И. И. Дмитриев в письме к П. А. Вяземскому от 4 мая 1836 г. распространяет упрек в плохом владении русским языком уже и на критиков: «Не правда ли, что он <Султан Гирей> пишет по-русски несравненно исправнее и с большим вкусом, чем некоторые из рецензентов *Телескопа*, *Молвы* и фельетона *Северной Пчелы*?»¹¹.

В третьем предложении издательская точка зрения «*Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке*» перетекает в читательскую, начинающуюся с неопределенно-личной конструкции «любопытно видеть», что выражено на уровне местоименной структуры — в колебании между эксклюзивным и инклюзивным *мы*: первое значение закреплено за начальной формой местоимения *мы*, второе — за формами притяжательного местоимения *наш*. Таким образом в тексте присутствует игра ав-

торской точкой зрения, колебание между издательской и читательской позициями.

Полемический смысл фразы *«Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке»* связан с актуальными для середины 1830-х гг. проблемами авторства и вольного обращения с авторским текстом (ср. известный скандал вокруг «Библиотеки для чтения»¹²). В начале 1836 г. Пушкин сам подвергся нападкам со стороны Надеждина и Сенковского, обвинявших его в присвоении авторства перевода «Вастолы, или Желаний» Виланда. Эти упреки Пушкин отводит в том же первом номере «Современника» (I, 303). См. также конфликт с Н. А. Дуровой по поводу изменений, внесенных в журнальную публикацию ее «Записок».

Заключительный пассаж примечания еще более насыщен отсылками и тонкими намеками. Пушкин искусно соединяет образ автора и рассказчика «Долины Ажигугай»: *«<...> любопытно видеть, как Султан Казы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным»*. Заключенное в скобки уточнение преследует двоякую цель. Во-первых, отмечается древность родословной Казы Гирея. О важности этой темы для Пушкина, любившего подчеркнуть свое 600-летнее дворянство, едва ли стоит упоминать¹³. Во-вторых, здесь присутствует явная отсылка к «Бахчисарайскому фонтану» и его главному герою — Хану Гирею. Функция этой отсылки — актуализация в сознании читателей небывалого коммерческого успеха поэмы¹⁴. Необходимость издавать свой журнал, помимо внутренней логики развития творчества Пушкина, была продиктована и финансовыми затруднениями. Кроме того, Пушкина привлекает возможность установить литературное и биографическое родство героя романтической поэмы и автора/рассказчика «Долины Ажигугай» и на этом построить некоторую интригу. Нетривиальное для романтической поэмы соединение европейского и восточного колоритов отыгрывается в тексте примечания.

Под *роскошной образованностью* Пушкин подразумевает образованность европейскую. Употребление слова *роскошь* в «восточном» контексте всегда маркировано у Пушкина и полемично по отношению к представлениям о восточной, «азиатской» роскоши¹⁵.

Заявленные темы аристократии и наследственности, «родовой истории» сменяются традиционной элегической темой «памяти сердца» — «индивидуальной историей», которая вводится романтической формулой «волновавшие его отроческое сердце». Феномен автора «Долины Ажигугай» раскрывается Пушкиным посредством перифрастического номинирования: *сын полудикого Кавказа — черкес — Султан Казы Гирей (потомок крымских Гиреев) — русский офицер — магометанин.*

Заключительное предложение примечания содержит выделенную курсивом цитату из «Долины Ажигугай»: *«хоругвь Европы и просвещения»*, которая трактуется Ю. М. Лотманом как свидетельство размышлений Пушкина над логикой христианской цивилизации, «несущей мораль истинного просвещения»: «Просвещение противостоит ненависти, порождаемой историческими конфликтами. А христианство — основа и сущность европейского просвещения»¹⁶; ср. также: «Еще недавно просвещение с руссоистских позиций бралось под сомнение (“Где благо, там уже на страже / Иль просвещенье, иль тиран”). Теперь оно ассоциируется с крестом — “хоругвью Европы”»¹⁷. Такое объяснение представляется недостаточным. Ср. знаменитую пушкинскую формулу «самовар и христианство» из первой главы «Путешествия в Арзрум»: «Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру. <...> Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но тщетно в замену слова живого выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, не знающим грамоты» (I, 27). Травестийное соединение самовара и Евангелия в пушкинском тексте корреспондирует с заключительным эпизодом «Долины Ажигугай», откуда и взяты слова «крест — хоругвь Европы и просвещения», на которые якобы с глубокой думой взирает рассказчик. Этот крест высечен на гранитном столбе и в детстве казался рассказчику гербом какой-то древней фамилии, а уж никак не религиозным символом. Рассказчик обращается к столбу: «Да, Кишик-Сил, ты стоишь чем-то непонятным в этой пустыне, и время и бури напрасно гложут тебя, старого великана, но подожди! Придет и твоя пора: ты в свою очередь падешь, и свирепый ветер беш-тау разнесет твой песок по пустыне!» (I, 167).

Странность конструкции «хоругвь Европы и просвещения» не могла не броситься в глаза Пушкину. Его, вероятно, привлекали в «Долине Ажигугай» не художественные красоты языка и стиля рассказчика, а попытки историсофских размышлений, представляющих любопытную параллель к «Путешествию в Арзрум». Для Пушкина было важно дать и другую точку зрения, т.е. то, что он пытался сделать и в «Путешествии», и в «Делибаше», и в «Тазите».

То, что современники читали «Долину» на фоне «Путешествия» — очевидно; ср. отзыв Булгарина, признававшего за одной «Долиной Ажигугай» литературное достоинство первого тома «Современника»: «...для сердца есть одна статья: Долина Ажигугай. В ней одна есть поэзия, есть мысли, есть чувство новое. Но такими ли глазами смотрел на Кавказ, на чудную Иберию и Колхиду сам издатель Современника... <...> Путешествие в Арзрум есть ничто иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии. Нового здесь: известия о Тифлисских банях, но люди, бывшие в Тифлисе, говорят, что и это не верно»¹⁸.

Текст пушкинского примечания выстроен особым риторическим образом, что связано с прагматикой жанра и соотносится с принципами нехудожественной прозы Пушкина. Лаконизм его критических текстов 30-х годов необычаен. Конспективность и предельная емкость пушкинского стиля обусловили появление в это время большого количества незаконченных критических произведений¹⁹. Такие свойства пушкинского стиля восходят и к его сверхконцентрированной художественной прозе, в частности, к «Повестям Белкина».

Рассказ Казы Гирея удачно укладывается в общую концепцию «Современника». Покровительство молодым авторам было частью литературной политики Пушкина. Пушкин вписывает Казы Гирея в современную литературную ситуацию, помещая его рядом с уже известными писателями, тем самым изменяя литературный контекст. Сложность художественной конструкции примечания и игровая природа текста связаны с большим количеством литературных и критических задач, которые Пушкин решает на небольшом текстовом пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 1. С. 155–169.
- ² Гиллельсон М. И. <Комментарии> // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 69–70.
- ³ Турчанинов Г. Ф. Султан Казы Гирей — корреспондент пушкинского «Современника» // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. Л., 1970.
- ⁴ Тартаковская Л. А. Пушкин и Восток: Ориентальная проблематика в «Современнике» // Звезда Востока. 1981. № 6.
- ⁵ Вопрос о соотношении текста и метатекста в изданиях начала XIX в., приобретающий исключительную важность в случае с «Современником», заслуживает отдельного исследования и не может быть рассмотрен в рамках данной статьи.
- ⁶ В последнее время в пушкинистике с разной степенью удачности разрабатывается основанный на мысли Ю. Н. Тынянова о Пушкине как циклизаторе журнала подход к «Современнику» как к сверхтекстовому единству. См.: Тынянов Ю. Н. Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 165; Эткинд Е. Г. Журнал или книга? (Перелистывая Современник сто пятьдесят лет спустя) // Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и Франции. М., 1999; Дарвин М. Н. Пушкин — циклизатор «Современника» // Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина: Жанры, сюжеты, мотивы. Новосибирск, 2000.
- ⁷ Пользуясь случаем, благодарим профессора Л. И. Вольперт за консультацию.
- ⁸ Современник. 1837. Т. 2. С. 247. Далее ссылки на пушкинский «Современник» в тексте статьи в круглых скобках с указанием тома римскими цифрами и страницы — арабскими.
- ⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1964. С. 324. Ср. также более ранний отрывок из статьи «Опровержение на критики», начинающийся «Мы так привыкли читать ребяческие критики, что они даже нас и не смешат...», в котором Пушкин создает пародийный разбор «Федры», изобилующий восклицательными знаками (Там же. С. 185).
- ¹⁰ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 180.
- ¹¹ Старина и новизна. 1898. Кн. 2. С. 187. Любопытен параллелизм в литературных биографиях Казы Гирея и Е. Ф. Розена: оба в короткий

срок в совершенстве овладевают литературным русским языком, на котором и создают свои произведения.

¹² «В Библиотеке для чтения случилось еще одно доселе не слыханное на Руси явление. Распорядитель ее стал переправлять и переделывать все почти статьи в ней печатаемые, и любопытно то, что он объявлял об этом сам довольно смело и откровенно. “У нас”, говорил он, в Библиотеке для чтения, не так, как в других журналах: мы никакой повести не оставляем в прежнем виде, всякую переделываем: иногда составляем из двух одну, иногда из трех, и статья значительно улучшается нашими переделками» (I, 202).

¹³ Ср. факт публикации в «Современнике» отрывка из «Родословной моего героя» (III, 152–157).

¹⁴ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 80–82.

¹⁵ Ю. Н. Тынянов, приводя пассаж из пятой главы «Путешествия в Арзрум»: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь... Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство, и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы», справедливо указывает на связь его с рассуждениями о роскоши в «Военном антиквари» Марлинского (*Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 207). Ср. также фрагмент из первой главы «Путешествия в Арзрум»: «Влияние роскоши может благоприятствовать их <черкесов> укрощению: самовар был бы важным нововведением» (I, 26–27).

Употребление эпитета «роскошный» отсылает к пушкинской заметке об «Истории поэзии» Шевырева, где, по мнению П. С. Рейфмана, пародируется неуместность и излишняя частота употребления этого эпитета в первой главе «Истории поэзии» (Рейфман. Указ. соч. С. 140–141). Обнаруживаются и другие семантические и текстуальные переключки между пушкинским примечанием и шевыревским текстом, однако их анализ выходит за рамки данной статьи.

¹⁶ *Лотман Ю. М.* Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 305.

¹⁷ *Лотман Ю. М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 263.

¹⁸ *Ф. Б[улгарин]*. Мнение о литературном журнале Современник, издаваемом Александром Сергеевичем Пушкиным на 1836 год // Северная Пчела. 1836. № 129 (9 июня). Статья 3-я. С. 516.

¹⁹ Ср.: *Егоров Б. Ф.* О жанрах литературно-критических статей Пушкина // Болдинские чтения. Горький, 1978.

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 13

Сборник научных работ
молодых филологов

ТАРТУ 2002